

УДК 81'23 (045)

*А.И. Тюкина***СЛОВА, НАЗЫВАЮЩИЕ ЭМОЦИЮ СТРАХА В «ПЕТЕРБУРГСКИХ ДНЕВНИКАХ»
З.Н. ГИППИУС**

В статье речь идет о вербализации эмоции страха. Данная лексика впервые рассматривается на материале дневников З.Н. Гиппиус. Материал, собранный методом сплошной выборки, представлен в порядке количественного убывания слов в подгруппах.

Обратившись к дневникам З.Н. Гиппиус «Синяя книга» (1914–1917 гг.), «Чёрная книжка» (1919 г.), «Серый блокнот» (1919 г.), мы обнаружили целый ряд лексем, вербализующих те или иные эмоции. Самыми частотными из них оказались слова, называющие эмоцию страха. Примечательно, что процессы обозначения в языке эмоций и состояний оказываются достаточно сложными. В данной статье предпринята попытка раскрыть внутренний мир З.Н. Гиппиус, что дает новое понимание психологии личности писательницы.

Ключевые слова: вербализация эмоций в русском языке, эмоция страха, эмоции в речи, дневники З.Н. Гиппиус.

Тема отражения эмоций в языке разрабатывается такими исследователями, как В.И. Шаховский, Л.Г. Бабенко, Э.Ф.Сафина, С.В. Зайкина. Лингвистическому анализу подвергаются различные аспекты языковой репрезентации эмоций. Наиболее детально изученной является семантика слова, исследуемая в психолингвистическом ключе (В.И. Шаховский), в функциональном плане (Л.Г. Бабенко). Л.Г. Бабенко пишет: «Без эмоций немислим ни сам человек, ни его деятельность» [1. С. 3]. Действительно, трудно представить себе человека, не испытывающего эмоций. При этом огромный спектр эмоций выражается, прежде всего, через язык и речь.

По мнению В.И. Шаховского, существует логика отношений между типовой ситуацией и эмоцией, и это соотношение делает такую ситуацию категориальной. Например, несправедливость вызывает *гнев*, предательство может привести к *ярости* и т.д. «Эмоции представляют собой разновидность человеческих *страстей*, которые отражаются на всех уровнях языка, поэтому и лексика, и фонетика, и грамматика языка пронизаны эмоциональными обертонами» [17. С. 9].

В настоящее время проблема отражения эмоций в языке рассматривается в связи с термином «*эмоциональный концепт*». Данной проблеме посвящен целый ряд исследований, таких как «Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах» С.В. Зайкиной [8], «Эмоциональный концепт «жалость» в русской языковой картине мира: от словаря к тексту» В.С. Мельниковой [9], «Проблемы идентификации эмотивов (на примере семантического поля «печаль» в английском языке)» Э.Ф.Сафиной [12], «Культурные сценарии реализации эмоциональных концептов в художественном дискурсе» Е.Е.Стефанского [14], «Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков)» Н.В. Дорофеевой [7] и мн. др.

К эмоциональным относят следующие концепты – «страх», «печаль», «жалость» и др. Концепт «страх», например, в русском языковом сознании представлен как нечто враждебное человеку, не зависящее от его воли и желания [8. С. 7]. С.В. Зайкина считает, что «страх может использоваться как средство манипуляции человеком, а также испытываться непосредственно в ситуации опасности или быть отложенным во времени, т.к. вытесняется или подавляется другой, более сильной эмоцией (например, гневом, яростью)» [8. С. 7]. Э.Ф. Сафина отмечает, что эмоциональный концепт «печаль» находится в отношениях включения и пересечения с такими концептами, как «беспокойство», «гнев», «досада», «одиночество», «потрясение», «раздражительность», «разочарование», «сожаление», «скука» и т. д. [12. С. 144]. Языковые номинанты эмоций используются в речи при их осознанном выражении или описании, то есть при «словесных показаниях говорящего о своем внутреннем мире» [18. С. 45]. Содержание концепта в той или иной мере выражается в языке, и мы можем описать его, анализируя языковой материал. Известно, что «Концепт в языке может выражаться в виде готовых лексем и фразеосочетаний из состава лексико-фразеологической системы языка; свободных словосочетаний; структурных и позиционных схем предложений, несущих типовые пропозиции (синтаксические концепты); тексты и совокупности текстов» [10. С. 38].

Источник нашего исследования - тексты дневников и мемуаров Зинаиды Николаевны Гиппиус [4]. Нами были обнаружены у этого автора различные наименования эмоций: *любопытство*, *нена-*

висть, любовь, страх и др. «Дневники – это записки личного характера, ведущиеся по доброй воле и желанию отдельным лицом изо дня в день» [6. С. 25]. Логично предположить, что нигде более, как в дневнике, автор не будет писать о личных эмоциях, а потому мы выбрали в качестве материала жанр дневника. Ранее мы анализировали отражение эмоции «страха» в дневнике Ф.Г. Раневской и обнаружили, что эмоция страха у нее вербализуется, прежде всего, через глагольную лексику (77 % от общего количества слов), отражая не столько состояние, сколько длительное переживание.

Другой автор дневника, заинтересовавший нас своей яркостью, дерзостью характера, «остротой» языка, – Зинаида Николаевна Гиппиус. Многие критики и исследователи её творчества отмечают, что на неё повлияли западные декадентские настроения; не случайно ее называли «декадентской мадонной», чья душа «во власти *страха*» [15]. Современники отмечали, что поэтесса создает вокруг себя миф о своих колкости и безразличии, холодности и высокомерии. По природе своей, будучи человеком открытым, сопереживающим другим, отзывчивым, Гиппиус не с каждым проявляла себя такой. Ее «двуличность» подчеркивали многие критики и писатели того времени. Андрей Белый в воспоминаниях пишет, что общение с Гиппиус – это «как вспых сена в засуху», «как брос афоризмов в каминные углы», «она – оса в человеческий рост... ком вспученных красных волос»; и в то же время поэт отметил, что в «безответственных разговорах с ней отдыхал» [2. С. 25]. Поэтесса, беллетрист, литературный критик, идеолог символизма З.Н. Гиппиус с 1920 г. оказалась в эмиграции, но до этого находилась в центре событий, о которых писала в своих дневниках. «Черная книжка» – лишь сотая часть моего «Петербургского дневника», моей записки, которую я вела почти непрерывно, со дня объявления войны», – так начинаются записки Зинаиды Николаевны, сразу готовя читателей к восприятию непростого текста [4. С. 3].

Обратившись к дневникам З.Н. Гиппиус «Синяя книга» (1914–1917 гг.), «Чёрная книжка» (1919 г.), «Серый блокнот» (1919 г.), мы обнаружили целый ряд лексики, называющей те или иные эмоции. Среди них были выявлены такие слова, как *любовь, ненависть, несчастный, счастливый* и др. Но самая большая по количеству группа слов обозначает эмоцию *страха*. Каждая страница ее текста пронизана страхом и даже ужасом, от всего произведения веет холодом и мраком.

Рассмотрим названия эмоций *страха* и связанных с ними переживаний, которые вербализованы разными частями речи в тексте «Дневники: воспоминания, мемуары» З.Н. Гиппиус. Методом сплошной выборки было выявлено 193 употребления слов, вербализующих концепт *страх*. На первом месте по частоте употреблений стоит ряд лексических единиц, непосредственно соотносящихся с понятием страха (90 уп.): *страшный* (45 уп.), *страх* (24 уп.), *страшно* (19 уп.), *устрашать* (2 уп.). На втором месте – подгруппа, связанная с чувством *боязни* (41 уп.) – слова *бояться, боязнь*. На третьем – с чувством ужаса (28 уп.): *ужас* – 15, *ужасный* – 8, *ужасать (ся)* – 3, *ужасно* – 2. Далее – подгруппы, выражающие чувства *паники, панический* (15 уп.); *трусости, трус* – (8 уп.); *испуга, пугать* – (5 уп.); *кошмара, кошмар* – (4 уп.); *тревоги, тревожно* (1 уп.), *робости робость* (1 уп.).

Каждая из подгрупп отражает тот или иной аспект концепта «страх». Рассмотрим собранный материал в порядке количественного убывания слов в подгруппах.

Существительное **страх** в русском языке имеет значение «*состояние сильной тревоги, беспокойства, душевное волнение от грозящей или ожидаемой опасности; боязнь*». Прилагательное **страшный** – «*вызывающий, внушающий чувство страха, пугающий*». **Страшно** – «*о чувстве страха, испытываемом кем-либо*». **Устрашать** (устрашить) – *вызывать, внушать страх; пугать* [13].

Итак, прилагательное *страшный* (у Гиппиус 45 уп. – самое частотное слово) в русском языке называет признак того, кто вызывает чувство страха. У Гиппиус оно связано и с впечатлением от людей, например: «В Савинкове – да, есть что-то *страшное*» [4. С. 171], и от местности – *страшного* города, а также употребляется в усилительном значении – *страшная* обида. Но чаще всего это слово используется, когда речь идет о характеристике времени, эпохи: *страшный час, страшное время, страшное историческое движение, страшный вопрос «когда?»*, *страшные дни, страшные и стыдные дни* (6 уп.). Это неудивительно, потому как книга была написана во времена войны и революции (1914–1920 гг.).

Существительное *страх* в тексте дневника менее употребительно, чем прилагательное *страшный* (24 уп.). Страх нередко возникает от незнания чего-либо, поэтому можно предположить, что в это время все люди, в том числе и З.Н. Гиппиус, не понимали, что их ждет впереди, отсюда и состояние страха: *страх, что будет; гадая в страхе и сомнениях; страхом за себя и свое положение; ни страха, ни надежды*. Показательно, что Гиппиус не раз употребляет пословицу «**У страха глаза ве-**

лики: *Они, впрочем, трусы, а у страха глаза велики...; У надежды глаза так же велики, как и у страха; Вы так боитесь, товарищ Зиновьев? Не слишком ли большие глаза у вашего страха?* Данная пословица толкуется в словаре следующим образом: «Об испугавшемся человеке, который преувеличивает опасность» [3. С. 646]. В тексте эта пословица дважды модифицирована: «У надежды глаза велики», «Большие глаза у вашего страха», и ни разу писательница не применяет ее по отношению к себе. Возможно, используя эту пословицу, З.Н. Гиппиус пыталась внушить себе, что испытываемый ею страх – ненастоящий, мнимый, потому как не желала признавать, что она чего-то боится и, таким образом, хотела оправдать себя. Но будет ли человек, сам не испытывающий страха, так часто употреблять в речи слова, называющие данную эмоцию?

Слово *страшно* употреблено в тексте 19 раз и, чаще всего, в тех случаях, когда автор говорит о ком-то: «*Страшно, что они такие искренние – и такие фатально-ребяческие*» [4. С. 42]; «*А Совет весьма и весьма способен. Страшно*» [4. С. 99]; «*Трогательно и ... страшно, что они так неужемимо текут, чтобы продефилировать перед Думой*» [4. С. 103]; «*На кухне наш «герой» - матрос Ваня Пугачев страшно действует*» [4. С. 109] и т.д. Очевидно, что в данном случае автору либо *страшно* за чьи-то действия (боязнь людей), либо *страшно* за кого-то (неравнодушие, забота).

Меньше всего контекстов с глаголом *устрашать*. Они употреблены два раза: «*Почти насильно записывают в партию коммунистов. Открыто устрашают...*» [4. С. 249]; «*...клик об очередных победах и «устрашенной» Финляндии, склоняющейся к самоубийству...*» [4. С. 269]. Здесь, как и в предыдущих примерах, заметно, что автор и опасается, и сочувствует, в конкретном случае Финляндии.

Вторая подгруппа слов, вербализующая концепт «страх» в рассматриваемом тексте, состоит из двух лексем – *бояться* и *боязнь*. Существительное **боязнь** в русском языке имеет значение «*беспокойство, возбуждаемое кем, чем-либо; страх*». Глагол **бояться** имеет значение «*испытывать страх перед кем, чем-либо, опасаться*» [13]. Этот глагол автор использует по отношению к себе: состояние страха связано с личными неудачами или с их ожиданием: *боюсь матерей; боюсь, что не откликнется; боюсь его слепоты; я их боюсь (4 контекста)*. Примечательно, что все эти глаголы в настоящем времени и называют актуальные для автора чувства.

Существительное *боязнь* употреблено в тексте один раз в следующем контексте: «*Но, побеждая свою боязнь прошлого, не считаясь с ней в себе, имею ли я право считаться с ней в других*» [4. С. 27]. Исходя из данного контекста, мы видим, что у автора была боязнь не только будущего, но и прошлого, хотя впоследствии эта эмоция оказалась побежденной. Примечательно, что З. Гиппиус как бы задает себе вопрос – это говорит о неуверенности как в себе, так и в других.

Следующая по количеству употреблений подгруппа слов, связанная с чувством **ужаса** – *ужас, ужасный, ужасать, ужасно*. Лексическое значение слова **ужас** в русском языке – «*чувство, состояние очень сильного испуга, страха*» [13]. Существительное *ужас* в тексте Гиппиус чаще всего используется в сочетании с прилагательными, дифференцирующими само это сильное чувство: *ужас беспримерный, внутренний ужас, двойной ужас, праведный ужас, омерзительный и небывалый ужас, бесконечный ужас, дифтеритный ужас, ужас ужаснейший, тупой ужас, бездонный ужас* (10 уп.). Словосочетание *ужас ужаснейший* отражает наивысшую степень страха, испытываемого автором.

Слово **ужасный** в словаре толкуется как «*наводящий ужас, очень страшный*» [13]. В тексте Гиппиус оно эмоционально выделено с помощью слова *самый*, посредством превосходной и сравнительной степени прилагательного (*ужаснейший, ужаснее*): «*Надо сказать правду, навел он на нас ужаснейший мрак*» [4. С. 104]; «*Как по писаному, – впрочем, ярче и ужаснее всякого «писаного»*» [4. С. 227]; «*Самое ужасное, что они, вероятно, правы, что сил и нет, если не подтыкано хоть завалившими регулярными нерусскими войсками, хоть фон дер Гольцем*» [4. С. 273].

Слово **ужасаться** означает «*приходить в ужас*» [13]. В одном контексте автор употребляет это слово по отношению к себе и с отрицанием: *не хочу я ужасаться* [4. С. 121], в другом месте пишет о М. Горьком: *сам Горький плюет и ужасается* [4. С. 289].

Ужасно – встречается в тексте два раза: в прямом его значении (*Никто не сомневается, что будет революция, ...не ужасно ли?*) и в значении «очень» (*...ужасно он похож без воротничка, на большую, худую, печальную птицу*).

В анализируемом тексте в группу слов, вербализующих концепт «страх», входит также существительное **паника**, имеющее лексическое значение «*внезапное смятение, проявление страха при действительной или мнимой опасности, обычно как массовое явление*» [13], и связанное с ним прилагательное **панический**.

Паника – обозначение сильнейшей степени эмоции страха, сопровождаемая отвращением [8. С. 7]. У Гиппиус чаще всего употребляется в сочетании с названием субъекта – «кто в панике»: *Керенский в панике, в панике Зензинов, Карташев в панике, П.М. Макаров в панике, Карташев в активной панике*. В данных контекстах Гиппиус дает понять, что страшно было, по крайней мере, не только ей.

Прилагательное *панический* автор употребляет один раз: «Газеты почти все – панические» [4. С. 133]. Очевидно, что *паническое* может быть только отношение автора к написанному в газетах, что снова говорит о нежелании Гиппиус показывать своего собственного панического состояния.

Значение «*испытывать страх, обнаруживать трусость*» [13] в дневнике Гиппиус передается также глаголом **трусить** и соотносимым с ним названием лица **трус**.

Трижды в тексте встречается слово *трус*: «Годные весьма для приструнивания «большевистских» здешних *трусов*, для укрепления существующей власти, но что же это за несчастный «заговорщик», посылающий горсточку солдат для борьбы и свержения всероссийского правительства, чуть ли не для «насаждения монархизма» [4. С. 185]; «Он без нее – никуда, он – *трус* первой руки. Впрочем, они все *трусы*» (О Троцком и красноармейцах-охранниках) [4. С. 252]. На тот момент автору казалось, что власть ничего не предпринимает, остается в полной безмятежности из-за своей трусости. Ей казалось, что она одна понимает, что происходит, и сильно переживает за свою страну. Неравнодушие – неоспоримая черта З.Н. Гиппиус.

В рассматриваемом тексте нами была обнаружена также лексема, связанная с обозначением источника страха. Это глагол **пугать**, имеющий в русском языке значение «*внушать, вселять страх, боязнь*» [13]. З.Н. Гиппиус пишет: *Страна великих и пугающих нелепостей* [4. С. 76], имея в виду «социал-демократию большевистского пошиба». Её пугал приход большевиков к власти, а вместе с тем и перемены, само будущее. В другом контексте автор пишет о *пугающей тишине* на петербургских улицах [4. С. 8]; тишина для неё – это отсутствие протеста, смирение, совершенно не свойственное З.Н. Гиппиус.

Слово **кошмар** в значении «*тяжелое, гнетущее сновидение*»; «*что-либо ужасное, отвратительное, тягостное*» [13] в тексте З.Н. Гиппиус так же, как слово *ужас*, чаще всего употребляется с прилагательными: *предутренний кошмар, неопикуемый кошмар, дифтеритный кошмар*. Прилагательное *дифтеритный* дважды используется в тексте: в одном случае – в сочетании со словом *кошмар*, в другом – со словом *ужас*. Настолько страшна была эта болезнь для самого автора.

Словосочетание *предутренний кошмар* используется в прямом его словарном значении единственного раз. Революция настолько ужасала, что З.Н. Гиппиус хотелось думать о ней, как о сне. Не верилось в *кошмарную* реальность: «Уже правда ли все происходящее? Похоже на *предутренний кошмар*» [4. С. 152]; «Тут же путается германский Гольц, и тут же кучка каких-то «белых» (??) ведет безнадежную борьбу у Луги! *Кошмар*» [4. С. 271]; «Вот две недели *неопикуемого кошмара*» («Троцкий дал приказ: копать окопы... Воистину ассирийское рабство!») [4. С. 274]; «У Л.К. после всего *кошмара дифтеритного* (о болезни), нарывного, стрептококкового, - плеврит» [4. С. 280].

Еще одна форма страха выражена словом **тревожно**. «*Тревожно* и страшно – вдали. Гораздо хуже, чем там, когда в тот же момент все знаешь и видишь» [4. С. 146]. **Тревожно** – «*о чувстве тревоги у кого-либо, отсутствии покоя где-либо*» [13]. Название эмоции, с которой соотносится лексема **тревога** в русском языке, обозначает «*чувство беспокойства, смятение вызываемое какими-либо опасениями, ожидание чего-либо неприятного*» [13]. *Тревожно вдали* – словосочетание, подтверждающее, что З.Н. Гиппиус особенно пугало будущее, а скорее, загадочность этого будущего, отсюда и тревожность.

Слово **робость**, обозначающее в русском языке «*боязливость (чувство, свойственное робкому человеку), неуверенность в себе*» [13], употреблено у автора один раз в сочетании с синонимом: «*Общая робость* и мямлянь» [4. С. 144]. Сама себя Зинаида Николаевна вряд ли относилась к числу робких, а вот нерешительными считала других: *общая робость* – означает робость общества.

Подводя итог, подчеркнем, что **источником страха** для Зинаиды Гиппиус являются люди (*боюсь кого*), их действия, а также и свои действия: *боюсь, что все запутались; бояться насилия над телами; я боюсь говорить; я боюсь сказать; боюсь верить; боюсь слов* и т.д. Основные эмоции, связанные со страхом, обозначаются здесь словами *боязнь, ужас, паника, тревога, кошмар*. Эти слова, позволяют ясно представить страшное время революции и душевное состояние людей.

Современники пишут о З.Н. Гиппиус: «Она и в самом деле вела себя вызывающе: эти ее паже-ские костюмы, обнажавшие ноги; ее привычка в упор разглядывать людей в лорнет; ее язвительные статьи, подписываемые «Антон Крайний»... [11]. Ее дерзкие поступки, резкие слова, экстравагантный стиль в одежде – не что иное, как попытка противостоять ужасающей реальности. В группе слов, вербализующих концепт «страх», у З.Н. Гиппиус на первом месте – прилагательные и наречия (46,11 %), а не глаголы, как у Ф.Г. Раневской, это может свидетельствовать о страхе как о постоянном состоянии автора.

Ф.Г. Раневская и З.Н. Гиппиус жили в одно время. Одна писала о театре и связывала свое состояние страха, соответственно, со сценой, зрителями, людьми, которых она особенно любила. Страх для Раневской – это творческое волнение, трепет. З.Н. Гиппиус писала о революции и, ее страх жестче – это ужас, кошмар, паника с примесью ненависти. Объединяет создателей дневников только то, что они испытывали страх перед настоящим и будущим.

Процессы обозначения в языке эмоций и состояний оказываются достаточно сложными. Так, в разговорной практике мы часто пользуемся одним и тем же словом для обозначения разных переживаний, и их действительный характер становится ясным только из контекста. В то же время одна и та же эмоция (или состояние) может обозначаться разными словами, как мы это видим на примере дневниковых записей разных авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в языке. Свердловск: Из-во Урал. ун-та. 1989. 184 с.
2. Белый Андрей: Хронологическая канва жизни и творчества / сост. А.В. Лавров // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988 .
3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп 2007 .
4. Гиппиус З.Н. Дневники: воспоминания, мемуары. Минск: Харвест, 2004. 304 с.
5. Гиппиус З.Н. Мемуары. Дм. Мережковский. Он и мы. М.: Захаров, 2001. 403 с.
6. Дмитриев С.С. Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в. // Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в.: учеб. пособие. М., 1970.
7. Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
8. Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект). Автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
9. Мельникова В.С. Эмоциональный концепт «жалость» в русской языковой картине мира: от словаря к тексту: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2011.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.
11. Самое интересное в сети – форум СивС. Интересные факты о Гиппиус (Сообщение о Гиппиус) URL: <http://sivs.ru/viewtopic.php?id=3906>
12. Сафина Э.Ф. Проблемы идентификации эмотивов (на примере семантического поля «печаль» в английском языке) // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2011. № 25.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965.
14. Стефанский Е.Е. Культурные сценарии реализации эмоциональных концептов в художественном дискурсе // Вестн. Самар. гуманитарной академии. Сер. Философия. Филология. 2007. № 1.
15. Три интересных факта о Зинаиде Гиппиус. URL: <http://www.kp.ru/daily/26160/3048587/>
16. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М: Гнозис, 2008.
17. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. 2007. № 5.
18. Яковлева Я.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.

Поступила в редакцию 20.04.15

A.I. Tyukina

THE WORDS DESCRIBING EMOTION OF FEAR IN THE DIARIES BY Z.N. GIPPIUS

The article deals with the question of verbalization of the emotion of fear. For the first time this vocabulary is considered on the material of the diaries by Z. N. Gippius. Material was collected by the method of continuous access; it is presented in order of quantitative diminution of words in subgroups. In the diaries by Z. N. Gippius «Blue book» (1914 – 1917), «Black book» (1919), «Gray notebook» (1919), we found up a number of lexemes, verbalizing some emotions. Most frequent of them are the words naming the emotion of fear. It is noteworthy that the process of designation of

emotions and attitudes in the language can be very complicated. This article is an attempt to reveal the inner life of Z. N. Gippius, which gives a new understanding of psychology of the writer's personality.

Keywords: verbalization of emotions in the Russian language, emotion of fear, emotions in speech, diaries by Z. Gippius.

Тюкина Анна Игоревна, соискатель

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

E-mail: a_mamontenok@mail.ru

Tyukina A.I., applicant

Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1/2

E-mail: a_mamontenok@mail.ru